

ВЫСТАВКА М. В. НЕСТЕРОВА

Хочется, чтобы это было хорошо и серьезно, огорчаешься, когда видишь, что это не хорошо.

Это признание большого таланта художника.

Внутреннее чувство отвергает все мистические композиции Нестерова. Между тем, он по существу своему — мистик, и то, что привлекает к нему, что делает живопись его драгоценной — это именно его мистическое чувство.

Мистическое чувство в пейзажах. Но только в этюдах пейзажей. Реже в эскизах. В картинах его совсем нет.

Оно в фигурах. В некоторых лицах деревенских девушек и мальчиков, писанных с натуры, оно доходит до своей высшей точки. Но как только эти фигуры начинают обобщаться и стилизоваться, чтобы войти в картину, оно исчезает. Оно в замысле каждой картины, но его никогда нет в исполнении.

Нестеров почувствовал народную мистическую веру, бьющуюся в самой глубине обращенного на него детского глаза; он уловил ее отсвет в бледном северном пейзаже, в трогательных белых ниточках весенних берез; и он находит ее каждый раз, как только он подходит со своей ясновидящей кистью и к вечерним рекам, и к строгим девичьим лицам, и к весенним лесам.

Когда же он остается сам с собой в своей мастерской лицом к лицу не с природой, а со своими этюдами, — он слепнет, теряет внутреннюю путеводную нить и пишет большие композиции на мистические темы, в которых нет ни мистики, ни искреннего чувства. Он сам перестает видеть и понимать то, что есть драгоценного в его этюдах.

Он знает, что он нашел нечто, но трепет веры ускользает от него. У него нет внутреннего уха, чтобы внимательно вслушиваться в таинственные голоса, звучащие в душе.

А голоса эти звучат в нем определенно и сильно.

Как только он начинает зорко и внимательно вглядываться в природу, — он находит этот ускользающий от него трепет.

Стоит только посмотреть на портрет его дочери¹ — на эту стройную и элегантную фигуру молодой женщины в коричневой амазонке на фоне вечернего пейзажа. В ней гораздо больше таинственного трепета, чем в раскольниковской девушке, в синем сарафане, в придуманной позе, на соседней картине «За Волгой».²

В портрете его дочери есть утонченность и дымка вечерней грусти, соединенная с четкостью и законченностью истинного мастера.

«Святая Русь» — картина, особенно привлекающая внимание публики на выставке, может служить образцом недостатков Нестерова.³ «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные и Аз упокою вы»⁴ — стоит в подзаголовке картины. Нестеров хотел написать Русского Христа.

Изнуренный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.⁵

На картине же стоит лже-классический Христос, который мог быть написан Сведомскими, манекен в эффектной позе, а за ним несколько трафаретных васнецовских старцев. Нельзя найти достаточно плоских и напыщенных слов, чтобы передать всю театральность этого Христа.

Группа приходящих к Нему написана совершенно иным мастером. Там есть одно детское лицо мальчика-послушника с длинными, плоскими волосами, зачесанными за уши, за которое можно отдать всю картину. В самой крайней группе есть еще фигура девушки-кликуши, написанная крайне плохо, но задуманная в глубоко религиозном порыве. В зимнем пейзаже — только далекий отблеск той проникновенности, которая светится в этюдах.

В целом картину можно принять за какую-то неподобающую политическую пародию; точно художник хочет ска-

зять своей верующей и стареющей Святой Руси: «Смотрите, к какому Христу – театральному и бездушному – несете вы свои скорби! И святые Его – это только официально-византийские лики, которым не нужна вашей веры». В таком виде картина имеет смысл, но принятая как серьезно задуманное религиозное произведение, она обнаруживает плохой вкус и творческое бессилие.

Нестеров болен тем недугом, которым больны все русские художники старой школы: – он наблюдатель, а не творец.

Талантливый и ясновидящий перед лицом природы, он становится робким учеником перед большим холстом. Щедрости и широты нет у него. В его душе нет тех неисчерпаемых сокровищ форм и сочетаний, которые он мог бы кидать на холсты с микель-анджеловским или врубелевским безрассудством.

Чувствуется, что он долго и мучительно обдумывает и вынашивает свои планы, а драгоценности свои теряет по дороге.

Его эскизы для храма в Абастумане⁶ сухи, бесцветны и неинтересны, как любое академическое подражание. Это – скучный и бесцветный Васнецов.

Разница между замыслами и исполнениями и поражает, и оскорбляет. Его этюды и эскизы к «Царевичу Дмитрию»⁷ – прекрасны. Кажется, что в эту тоненькую отроческую фигурку и в эту мучительно блаженную улыбку ребенка, в которой страдание смертной муки смешано с упоением счастья, он вложил всю свою душу. На картине – все исчезло. Его ясные вечерние тона стали серовато-грязными, и из облаков глядит маленькая фигура Христа с поднятой благословляющей рукой: нелепое и некрасивое пятно.

С выставки Нестерова выходишь потрясенный трагическим впечатлением, но не картин, а самого художника, ставшего обладателем глубокой тайны и растерявшего ее на большой дороге.